31

Г. К. Ульяновъ.

ГЖЗ10
У446

Къ моимъ избирателямъ.

Изъ писемъ бывшаго депутата первой Государственной Думы.

Книгоиздательство
„БОРЬБА“.

Г Ж 310
У 446

Г. К. Ульяновъ.

КЪ МОИМЪ ИЗБИРАТЕЛЯМЪ.

Изъ писемъ бывшаго депутата-трудовика.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«БОРЬБА».

П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
84
К.
ГЖ310 р
У446
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
014
28.
59470
4

МОСКВА.
Типо-Литографія Герасимова, Страстной бульваръ.
1907.

Къ моимъ избирателямъ.

I.

Я рвусь къ вамъ всей душой, но принужденъ пока быть вдали отъ васъ. Мнѣ хотѣлось бы лично разсказать вамъ, какъ избранники народа раскрывали вѣковую неправду, какъ обличали они обидчиковъ и угнетателей народныхъ.

Въ первый разъ въ Россіи раздался открытый голосъ правды, и этотъ голосъ навелъ страхъ на всѣхъ, кто питается потомъ и кровью трудового народа. Какъ солнечный свѣтъ страшенъ ночнымъ хищникамъ, такъ и имъ страшна гласность, страшна открытая правда.

И они поспѣшили заглушить святую правду.

Въ ихъ рукахъ ослѣпленная военная сила, и, пользуясь ею, они попрежнему хотятъ держать народъ въ темнотѣ и покорности, чтобы продлить собственное благополучіе. Разгонъ Государственной Думы царскимъ указомъ всѣмъ раскрылъ глаза, что *правительству невыносима народная правда.*

Спрашивается, за что разогнали Государственную Думу? Что она сдѣлала и хотѣла сдѣлать вреднаго для народа?

Она стремилась успокоить народъ—обезпечить его землею; освободить изъ безчисленныхъ тюремъ, вернуть изъ далекой ссылки честныхъ и вѣрныхъ защитниковъ и друзей обездоленнаго народа — дать амнистію; отмѣнить смертную казнь, т. е. чтобы на будущее время никого не могли казнить смертью; установить свободу вѣры, слова, собраній, союзовъ и стачекъ; замѣнить министровъ-чиновниковъ—министрами изъ народныхъ представителей, которымъ вѣрилъ бы народъ и которые за каждое свое

дѣйствіе, за каждую израсходованную народную копѣйку отсчитывались бы предъ Государственной Думой. Кромѣ того, предполагалось измѣнить законы о податяхъ и налогахъ, чтобы каждый платилъ сообразно своему достатку—ввести прогрессивно-подоходный налогъ.

Конечно. не всѣ члены «покойной» Думы хотѣли достигнуть всего этого въ полной мѣрѣ. Были, къ сожалѣнію, и такіе, которые стояли за теперешніе несправедливые порядки.

Но мы, члены Трудовой Группы, стремились къ полному обновленію россійскихъ порядковъ и законовъ. Мы настаивали, напримѣръ, чтобы *вся земля* въ Россіи принадлежала *всему народу*, и чтобы самъ народъ былъ полнымъ хозяиномъ въ государствѣ. Мы хотѣли такихъ порядковъ, при которыхъ земли казенныя, удѣльныя (царской фамиліи), кабинетскія (царскія), монастырскія, церковныя и частновладѣльческія были бы достояніемъ всего народа и пользоваться землею могли бы лишь трудящіеся.

Мы требовали *всей воли* и *всей земли народу*. Мы хотѣли, чтобы наемные рабочіе и работницы не изнурялись непосильнымъ продолжительнымъ трудомъ, чтобы трудъ ихъ въ сутки не продолжался болѣе 8 часовъ и заработная плата не спускалась ниже опредѣленной суммы. Мы хотѣли, чтобы весь народъ былъ грамотенъ и всякій желающій имѣлъ бы возможность получать дальнѣйшее образованіе. Мы хлопотали о равныхъ для всѣхъ гражданъ правахъ, и проч., проч.

Развѣ все это—не желанія всего обездоленнаго народа?

Развѣ не то же самое высказалъ онъ въ приговорахъ, наказахъ и телеграммахъ, которые въ громадномъ числѣ получались Трудовой Группой со всѣхъ уголковъ Россіи?

Развѣ не то же самое поручали и вы, мои избиратели? Мы виноваты лишь въ томъ, что были послушны велѣніямъ народа и дѣйствовали согласно его волѣ и одобренію.

За это изъ «лучшихъ людей земли русской»—какъ назвали насъ вначалѣ,—мы попали въ «худшіе», которыхъ теперь правительство преслѣдуетъ, хватаетъ и сажаетъ по тюрьмамъ, какъ преступниковъ.

Избранники народа объявлены врагами правительства; слѣдовательно, само правительство признало свою враждебность къ народу.

II.

Разгонъ Государственной Думы явился для всѣхъ насъ все-таки большою неожиданностью. Правда, вопреки увѣреніямъ кадетской партіи *), мы ждали, что правительство, привыкшее къ самовластному хозяйничанью въ странѣ, не потерпитъ около себя правдиваго голоса народныхъ представителей, и, какъ только мало-мальски оправится, сейчасъ же разгонитъ ихъ. Однако, мы думали, что не хватитъ у правительства наглости такъ скоро расправиться съ первою Государственною Думою. Вѣдь, съ ея именемъ было связано столько надеждъ, столько ожиданій многомилліоннаго измученнаго народа,—что казалось безразсудствомъ разбивать ихъ... Но наши правители никогда не церемонились съ народными желаніями. Вмѣсто удовлетворенія ихъ они, всегда предпочитали пользоваться насиліемъ—солдатскими штыками, казацкими нагайками, полицейскими розгами, тюрьмами и висѣлицами...

Такъ и въ данномъ случаѣ. Замысливъ свое противонародное дѣло, царское правительство заполонило Петербургъ войсками и объявило его на положеніи чрезвычайной охраны, а это значитъ, что каждаго можно безъ суда и слѣдствія посадить въ тюрьму и сослать, каждаго можно предать военному суду и разстрѣлять или повѣсить.

Предсѣдателемъ совѣта министровъ, т. е. главнымъ лицомъ въ правительствѣ, былъ назначенъ бывшій саратовскій губернаторъ П. Столыпинъ,—тотъ самый Столыпинъ, который получилъ высочайшую благодарность за «усмиреніе» Саратовскаго края. Жители Саратовской губерніи хорошо помнятъ «распорядительность» г. Столыпина. Еще свѣжа пролитая имъ народная кровь; еще не замолкли вопли сиротъ, у которыхъ отняты отцы и матери... Да, Столыпинъ—*опытный усмиритель*!.. и то, что продѣлывалъ онъ въ одной губерніи, теперь ему предоставлено продѣлывать во всей необъятной Россіи.

---

*) Такъ называютъ обыкновенно партію Конституціонно-демократическую (К.-Д.), которая еще называетъ себя партіей „Народной Свободы“.

Первымъ дѣломъ онъ поспѣшилъ распорядиться закрыть смѣлыя и честныя газеты, отъ которыхъ могъ ждать рѣзкаго, правдиваго слова и нелицепріятнаго осужденія; были даже закрыты типографіи, гдѣ печатались подобныя газеты. Ожидая народныхъ волненій, онъ приказалъ губернаторамъ и всѣмъ мѣстнымъ властямъ подавлять «безпорядки» самыми рѣшительными мѣрами, т. е. бить, стрѣлять, арестовывать и ссылать безъ суда и слѣдствія. Какъ послѣдняя мудрость усмирительной политики, правительствомъ придуманы военно-полевые суды, приговоры которыхъ иногда отказываются исполнять даже палачи-убійцы.

Но въ рукахъ правительства—послушное, связанное присягой войско... Ему-то и приходится исполнять эту гнусную и отвратительную роль, которая нерѣдко приводитъ несчастныхъ солдатъ и офицеровъ къ самоубійствамъ...

Вы видите, что Государственная Дума закрыта *не спроста*. Прежде, чѣмъ рѣшиться на это, правительство Столыпина хорошо все обдумало и составило настоящій военный планъ дѣйствій. Еще-бы: вѣдь оно рѣшило воевать съ многомилліоннымъ трудовымъ народомъ!.. Въ то самое время, когда залъ Таврическаго дворца, гдѣ засѣдала Дума, оглашался мирными рѣчами, а народъ,—какъ бы очарованный ими—слушалъ ихъ и составлялъ свои наказы депутатамъ; въ то самое время, когда министры лицемѣрно увѣряли Государственную Думу въ своемъ стремленіи къ «законности и порядку», правительство втихомолку готовилось къ преступленію, готовилось разогнать это самое законодательное учрежденіе, готовило вмѣсто законовъ—штыки, пулеметы, казацкія нагайки, тюрьмы и... висѣлицы...

Оно готовилось, разогнавъ Думу, задушить только что родившуюся народную свободу!

Русскіе полководцы хотѣли побѣдить японцевъ молебнами, а русскій народъ надѣялся, что отъ горячихъ рѣчей депутатовъ и писанныхъ наказовъ сломится самовластье самоуправнаго правительства...

Указъ о роспускѣ Государственной Думы не былъ объявленъ ей во время засѣданія, какъ того требуетъ законъ, а былъ прибитъ къ воротамъ Таврическаго дворца, ночью въ субботу на воскресенье. Нѣкоторые изъ депу-

татовъ, пошли было утромъ въ Таврическій дворецъ, но ихъ туда уже *не пустили*.

— Нельзя!—сказали имъ полицейскіе, стоявшіе у воротъ.

— Почему?

— Прочтите!—угрюмо отвѣтили они, указывая на заборъ, гдѣ былъ прибитъ царскій указъ...

Во дворѣ и саду дворца виднѣлись солдаты; говорятъ, тамъ были приготовлены даже пулеметы.

Такимъ образомъ, первая Государственная Дума была *разогнана* правительствомъ, а не распущена.

Если бы правительство хотѣло добромъ разстаться съ нею, то: 1) дало бы ей возможность издать хоть какіенибудь законы; 2) указъ о роспускѣ былъ бы прочитанъ предъ всѣмъ составомъ Государственной Думы во время засѣданія. Ей, по крайней мѣрѣ, разъяснили бы почему она распускается. Если бы, положимъ, по мнѣнію правительства Дума невѣрно толковала желанія народа, то оно обязано было сейчасъ же, какъ того требуетъ законъ, объявить новые выборы.

Пусть бы народъ разсудилъ, на чьей сторонѣ правда... Тогда, по крайней мѣрѣ, была бы «честь соблюдена», а теперь—какъ жалкіе трусы—взяли да и заперли домъ, когда хозява отсутствовали... Изъ за чего же, спрашивается, огородъ городили, для чего Думу собирали?! Въ старину, бывало, народному собранію князья да бояре въ поясъ кланялись, а теперь—за шиворотъ выбрасываютъ, да еще въ тюрьмы сажаютъ народныхъ избранниковъ... Оскорбивши ихъ, правительство оскорбило всю Россію, и не проститъ ему народъ этой обиды...

Я узналъ о разгонѣ Думы отъ товарищей, которые пришли утромъ со свѣжими газетами.

Первымъ нашимъ желаніемъ было собрать скорѣе Трудовую Группу. Однако, предварительно надо было собраться намъ, членамъ комитета, чтобы столковаться насчетъ дальнѣйшихъ шаговъ Трудовой Группы. Товарищи быстро собирались. Шелъ самый оживленный разговоръ по поводу случившагося событія.

Всѣхъ интересовалъ вопросъ—какъ-то отзовется народъ на выходку правительства? Но почти никто не высказывалъ сожалѣнія о закрытіи Думы. Вамъ, можетъ

быть, покажется страннымъ, если скажу, что мы, Трудовики, съ закрытіемъ Думы почувствовали *большое облегченіе*. Наша совѣсть теперь можетъ быть покойна: правительство сбросило съ себя маску, оставило игру въ парламентъ, и мы избавлены отъ участія въ этой недобросовѣстной игрѣ.

Войдите въ наше положеніе: въ нашихъ ушахъ постоянно раздавался крикъ крестьянской души: «*Земли, земли... дайте земли и воли!..*» Мы постоянно терзались за рабочихъ, изнуряемыхъ за ничтожную плату непосильнымъ трудомъ на фабрикахъ и заводахъ, въ мастерскихъ и шахтахъ. Мы получали ежедневно десятки, сотни телеграммъ, писемъ о насиліяхъ, убійствахъ, арестахъ, разгромахъ цѣлыхъ селеній и даже городовъ. Къ намъ, въ Трудовую Группу, стекались слезы и мольбы со всей измученной, изстрадавшейся Россіи...

А что мы могли сдѣлать для облегченія? Могли ли мы кого-нибудь утѣшить, успокоить, порадовать? Сочинять законопроекты, которые никогда не увидятъ свѣта? Дѣлать запросы министрамъ, чтобы получить какой-нибудь ложный отвѣтъ или выслушивать издѣвательства? Все это было перепробовано! И мы ясно увидѣли, что изъ всѣхъ нашихъ стараній *ничего не выйдетъ:* права Государственной Думы такъ ничтожны, такъ опутаны чиновничьими сѣтями, что на основаніи ихъ нельзя провести ни одного закона, полезнаго для народа. Вся сила и власть въ рукахъ царскаго правительства, въ рукахъ министровъ; прежде нужно сломить ихъ самовластье,— тогда будетъ другой разговоръ... Въ стѣнахъ Таврическаго дворца намъ оставалось одно: обличать преступленія министровъ, и гнать ихъ вонъ...

Но вѣдь не ради же только этого народъ посылалъ насъ въ Думу!?. Наше положеніе было невыносимо, и мы уже готовились извѣстить объ этомъ народъ, сказать ему откровенно,—пусть онъ ничего не ждетъ отъ насъ, потому что *безъ него* мы безсильны сдѣлать что-либо полезное. Это отчаяніе придавало намъ смѣлость, и Трудовая Группа съ каждымъ днемъ становилась непримиримѣе и неуступчивѣе не только по отношенію къ правительству, но и къ засѣдавшимъ въ Думѣ членамъ кадетской партіи.

Произволомъ правительства парламентская комедія была покончена. Теперь только слѣпой могъ не видѣть, что Государственная Дума и народъ стоятъ на одной сторонѣ, а на другой—стоитъ правительство со штыками, пулеметами, нагайками, тюрьмами и висѣлицами... Отнынѣ мы уже не будемъ въ ложномъ положеніи, не будемъ противъ своего желанія участниками въ обманѣ а съ спокойной совѣстью будемъ вмѣстѣ съ народомъ бороться съ хитрымъ и злымъ врагомъ.

Мы были охвачены однимъ желаніемъ:—сдѣлать все, что въ нашихъ силахъ для пользы народнаго дѣла. Съ такимъ настроеніемъ мы приступали къ дальнѣйшей работѣ.

Однако, положеніе было чрезвычайно трудное. Главная опасность на первыхъ порахъ заключалась въ возможности ареста всѣхъ членовъ комитета. Не успѣвали мы открывать свои засѣданія, какъ приходили товарищи съ предупрежденіями, что нужно уходить отсюда на другую квартиру. Близь нашихъ квартиръ сновали шпіоны, шныряли полицейскіе. Во всякую минуту можно было ожидать ареста. Такъ пришлось намъ перемѣнить нѣсколько квартиръ. Во время нашихъ скитаній явился посланный отъ такъ называемой «партіи Народной Свободы» съ предложеніемъ ѣхать всѣмъ депутатамъ въ финляндскій городъ Выборгъ и тамъ обсуждать, что нужно дѣлать дальше.

Намъ, Трудовикамъ, ѣхать въ Финляндію не хотѣлось, и мы послали двоихъ товарищей къ партіи Народной Свободы отговорить и кадетовъ отъ такого рѣшенія.

Мы настаивали на томъ, чтобы собраться въ Петербургѣ: пусть правительство разгонитъ насъ силою, по крайней мѣрѣ, все это произойдетъ на глазахъ народа, и народъ можетъ вмѣшаться и укоротить нахальныя руки правительства. Намъ нужно быть вмѣстѣ съ народомъ,—доказывали мы.

Но «кадеты» наотрѣзъ отказались собраться въ Петербургѣ, заявивъ, что если-де Трудовики откажутся ѣхать въ Выборгъ, то они поѣдутъ безъ нихъ и тамъ выработаютъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ Петербургѣ же, говорили они, собраться не дадутъ и сговориться не удастся.

Разбиваться въ столь рѣшительную минуту намъ казалось вреднымъ для дѣла. Мы полагали, что тѣ или другія дѣйствія попрежнему должны исходить отъ законнаго большинства Государственной Думы. Пусть эти дѣйствія будутъ не столь рѣшительны, какъ бы хотѣлось намъ, но зато они могутъ имѣть больше значенія въ глазахъ всей Россіи и Европы. Подъ вліяніемъ такихъ соображеній мы уступили кадетамъ и поѣхали въ Выборгъ, надѣясь, что оттуда вернемся съ опредѣленнымъ планомъ борьбы съ правительствомъ...

Теперь мы жестоко раскаивались за свое увлеченіе думской работой, за потерю времени на разныя комиссіи и совѣщанія. Вмѣсто этого намъ нужно было *заранѣе* обдумать, что надо дѣлать въ такомъ случаѣ. Правда, этотъ вопросъ за послѣднюю думскую недѣлю нѣсколько разъ поднимался въ Трудовой Группѣ, и даже было поручено комитету выработать опредѣленный планъ дѣйствій. Но занятые съ утра до глубокой ночи, а главное—не ожидая такой наглости со стороны притаившагося правительства, мы ничего не успѣли сдѣлать для этого. Мы—да и весь народъ—застигнуты были насильниками врасплохъ.

Лишенные права «неприкосновенности», которымъ пользовались, пока была Дума, мы теперь наравнѣ съ остальными безправными гражданами Россіи не могли даже собраться на совѣщаніе безъ риска быть сейчасъ же арестованными. Мы вѣдь знали—что такое русское правительство!! За временное пораженіе оно постарается отплатить своимъ противникамъ сторицею... Мы были увѣрены, что съ перваго же нашего собранія полиціей будутъ выхвачены тѣ товарищи, которые такъ или иначе непріятны правительству. А намъ не хотѣлось разбивать свои силы въ самомъ началѣ. Это обстоятельство, между прочимъ, также было принято во вниманіе при рѣшеніи вопроса о томъ, гдѣ должно быть устроено первое собраніе членовъ разогнанной Думы.

И вотъ представители великаго, могущественнаго русскаго народа отправились изъ родной столицы въ маленькую Финляндію, гдѣ всякія собранія происходятъ совершенно свободно. Какъ тяжело, какъ больно было на это рѣшиться!!.

Передъ отъѣздомъ намъ пришлось позаботиться о нашей канцеляріи, чтобы не попались въ руки правительства приговоры, наказы, письма и телеграммы отъ крестьянъ, рабочихъ и прочихъ гражданъ Россіи.

Эта предосторожность оказалась весьма не лишней.

Черезъ 2—3 дня послѣ разгона Государственной Думы въ помѣщеніе клуба Трудовой Группы *) явилась полиція и произвела обыскъ, которому подверглась и наша комната (мы занимали ее вдвоемъ съ С. В. Аникинымъ). Въ квартирѣ полиціей, конечно, ничего не было найдено. Въ ознаменованіе же своего посѣщенія приставъ сорвалъ со стѣны портретъ члена партіи соціалистовъ-революціонеровъ М. А. Спиридоновой, находящейся теперь на каторгѣ, и забралъ съ собою народныя книжки, которыми мы снабжали ходоковъ.

Вслѣдъ затѣмъ происходили обыски на частныхъ квартирахъ другихъ трудовиковъ. Но и они не дали никакихъ результатовъ, такъ какъ всѣ, кому угрожалъ арестъ, рѣшили на свои квартиры больше не являться. Мнѣ также пришлось послѣдовать этому рѣшенію. Въ возможности моего ареста никто изъ товарищей не сомнѣвался и потому они меня даже за вещами не пустили на квартиру, а нужныя на дорогу вещи принесъ мнѣ добрѣйшій Я. Е. Дитцъ **).

Однако, вернусь къ описанію нашего путешествія въ Выборгъ. Я пріѣхалъ на вокзалъ минутъ за пять до отхода поѣзда. На платформѣ вокзала встрѣтилъ многихъ депутатовъ, какъ членовъ Трудовой Группы, такъ и партіи Народной Свободы.

Всѣ встрѣчались дружелюбно, привѣтливо: общій врагъ, видимо, сплотилъ депутатовъ. Но въ настроеніи тѣхъ и другихъ сказывалось нѣкоторое различіе.

Въ то время, какъ трудовики проявляли рѣшительность, бодрость, кадеты казались удрученными, вѣрнѣе, сконфуженными. Вѣдь, имъ мерещилось уже кадетское министерство. Они усыпляли всю Государственную Думу, утверждая, что она не можетъ быть разогнана, угрожали

*) Невскій проспектъ № 116, квартира 6.

**) Депутатъ изъ г. Камышина, Саратовской губ.

гибелью для правительства, а народъ призывали къ *спокойному* ожиданію всякихъ благодѣяній отъ Государственной Думы... И вдругъ... поѣздка въ Выборгъ... Все это былъ миражъ—видѣнье лишь пустое!

«Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился...
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто!»...

Что это—сознательное усыпленіе себя и другихъ, или же политическая близорукость?!...

Для насъ сокрыта эта тайна политической мудрости кадетовъ.

Поѣздка въ Выборгъ была не изъ веселыхъ. Въ головѣ неотступно стояли мысли: «что-же ждетъ теперь несчастную Россію?.. Опять—кровь, стоны, слезы... Когда же конецъ народнымъ страданіямъ?.. Неужели народъ, какъ великанъ, опутанный сѣтями ничтожныхъ, мелкихъ карликовъ, не разорветъ эти вѣковыя путы, которыя такъ больно врѣзались въ его могучее тѣло?!. Обидно было сознавать, что вотъ избранники великаго многомилліоннаго народа должны искать покровительства у маленькаго сосѣда, котораго еще недавно царское правительство хотѣло привести въ такое же рабское состояніе. Но маленькій и гордый народъ сумѣлъ отстоять свою свободу и теперь можетъ дать пріютъ даже противникамъ русскаго правительства... Справедливо изреченіе:

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“.

III.

Засѣданіе членовъ Государственной Думы открылось въ 10 часовъ вечера. Само собою разумѣется, на это засѣданіе, устроенное противъ приказа правительства, не явились депутаты, принадлежащіе къ тѣмъ партіямъ, которыя заодно съ царскимъ правительствомъ стоятъ

за старые порядки, выгодные лишь богатымъ классамъ *).

Не буду подробно описывать, какъ происходили наши засѣданія. Скажу только, что всѣми членами собранія признавалась необходимость обратиться съ воззваніемъ къ народу по поводу разгона Государственной Думы.

Члены партіи Народной Свободы представили даже черновикъ такого обращенія. Но онъ оказался такимъ слабымъ и нерѣшительнымъ, что мы, Трудовики, наотрѣзъ отказались принять его. Для составленія новаго обращенія составили комиссію изъ трудовиковъ и кадетовъ.

Было уже два часа ночи. Такъ какъ остальные члены собранія остались до окончанія работы комиссіи свободными, то объявленъ былъ перерывъ засѣданія до 8 часовъ утра. Сговориться на чемъ-либо одномъ при составленіи обращенія оказалось очень труднымъ. Члены партіи Народной Свободы, напримѣръ, отказались вставить призывъ къ войскамъ, чтобы они не шли противъ народа, не убивали-бы своихъ отцовъ и братьевъ по приказанію озвѣрѣлаго начальства **). Послѣ продолжительныхъ споровъ, наконецъ, согласились внести на утвержденіе собранія тотъ текстъ обращенія, который былъ затѣмъ опубликованъ.

Когда собрались утромъ, то мы увидѣли, что настроеніе у кадетовъ измѣнилось и большинство ихъ готово на попятную. Если вообще вѣрна пословица — «куй желѣзо, пока горячо», то примѣнительно къ членамъ партіи Народной Свободы ее никогда не слѣдуетъ забывать. Многіе изъ нихъ рѣшительно стали говорить противъ второй части обращенія, выработаной комиссіею, гдѣ предлагается

---

*) Къ такимъ партіямъ относятся, напримѣръ: „Союзъ русскаго народа", ни одинъ изъ членовъ котораго въ Думу не попалъ; „Партія мирнаго, обновленія", образовавшаяся уже послѣ разгона Думы; „Союзъ 17-го октября", нѣсколько членовъ котораго были въ Государственной Думѣ, и др. Всѣ они называются *правыми* партіями. Если кто изъ нихъ попадетъ въ Государственную Думу, то сидитъ съ правой стороны предсѣдателя, въ противоположность партіямъ, стоящимъ *за трудовой*, обездоленный народъ, которыя называются *лѣвыми*, напр., партія соціалистовъ-революціонеровъ, соціалъ-демократовъ., Трудовая Группа и др.

**) Вслѣдствіе этого Трудовая Группа и соціалъ-демократическая фракція такое воззваніе выпустили отдѣльно.

не платить правительству податей, не давать рекрутовъ и не признавать займовъ, которые правительство заключитъ безъ согласія народнаго представительства. Они предлагали ограничиться лишь заявленіемъ, что Государственная Дума правительствомъ распущена.

Мы были увѣрены, что при голосованіи вся вторая часть манифеста большинствомъ партіи народной свободы будетъ отвергнута. Безъ этой же части—мы не могли согласиться. Можетъ быть, благодаря такому разногласію депутаты не согласились бы ни на какомъ текстѣ, хотя всѣ мы сознавали необходимость именно общаго обращенія къ народу. Только подъ вліяніемъ такого желанія, трудовики и соглашались на такое слабое воззваніе, какъ «Выборгское», для кадетовъ же и оно казалось очень революціоннымъ.

Но правительственная власть помогла намъ.

Около 3-хъ часовъ дня явился Выборгскій губернаторъ и потребовалъ отъ предсѣдателя, чтобы наше собраніе сейчасъ же было закрыто; въ противномъ случаѣ,—говорилъ онъ,—городъ можетъ быть объявленъ на военномъ положеніи *). Конечно, никто изъ насъ не хотѣлъ подвергать городъ подобной непріятности, и потому единогласно рѣшили: *манифестъ цѣликомъ принять и разойтись.*

Черезъ часъ воззваніе было готово и отдано въ печать.

Тѣмъ и закончилась дѣятельность Государственной Думы.

Такъ гибнутъ иногда молодые, не окрѣпшіе всходы отъ лютыхъ морозовъ.

IV.

Но Трудовая Группа не могла примириться съ такимъ печальнымъ концомъ. Кадетамъ, видимо, также нелегко было согласиться на преждевременную кончину. Да и совѣстно было послѣ воинственныхъ рѣчей въ Государственной Думѣ сдаваться сразу: нужно было хотя бы

*) Свое распоряженіе онъ объяснялъ потомъ финляндцамъ тѣмъ что опасался притѣсненій Финляндіи со стороны русскаго правительства, которое имѣетъ здѣсь много войска.

изъ приличія «отступать съ честью»..., какъ русскіе полководцы въ японскую войну... Рѣшено было собраться на соединенное засѣданіе комитетамъ: Трудовой Группы, партіи Народной Свободы и соціалъ-демократической фракціи. Кромѣ нихъ, въ засѣданіи участвовалъ почти весь центральный комитетъ партіи Народной Свободы, представители центральнаго комитета Соціалъ-демократической партіи и по предложенію Трудовиковъ были приглашены представители центральнаго комитета партіи Соціалистовъ-революціонеровъ. Это знаменитое засѣданіе происходило вечеромъ 12-го іюля.

Мы настаивали на томъ, чтобы дѣятельность Государственной Думы не прекращалась. Мы говорили, что завтра утромъ всѣ члены Государственной Думы должны ѣхать въ Петербургъ и *собраться* на засѣданіе. Пусть царское правительство пришлетъ казаковъ и солдатъ, пусть разгонятъ и арестуютъ насъ; но мы должны исполнить волю народа и помочь ему сбросить съ себя вѣковой гнетъ насилія и произвола. должны стать руководящей силой въ этой великой борьбѣ за новый, справедливый порядокъ.

Насъ послалъ народъ; и только его голосу мы обязаны повиноваться... Представители партіи соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ также доказывали необходимость продолженія дѣятельности Государственной Думы вопреки правительственному распоряженію. Интересно было наблюдать, какъ представитель центральнаго комитета партіи соціалистовъ - революціонеровъ убѣждалъ кадетовъ не бросать на полъ-пути дѣло освобожденія народа.—«Наша партія,—говорилъ онъ,—бойкотировала выборы въ Государственную Думу, доказывала, что она, собранная не на основѣ всеобщаго избирательнаго права и при невозможныхъ стѣсненіяхъ со стороны правительства, не въ силахъ будетъ сдѣлать что либо полезное для народа и поддержитъ въ немъ лишь ложныя надежды. Но народъ рѣшилъ иначе. — Измученный долгими страданіями, онъ ухватился за Государственную Думу, какъ утопающій въ отчаяніи хватается за соломинку... Онъ ждетъ отъ нея земли и воли, вѣритъ, что она дастъ ему избавленіе отъ невыносимаго положенія...

Такъ оправдайте же это довѣріе народа!.. Государственная Дума должна продолжать свою работу, должна остаться центромъ объединенія народныхъ силъ для борьбы съ правительствомъ»...

Но члены партіи народной свободы *не могли понять этихъ рѣчей.*—«Что мы будемъ дѣлать, если соберемся въ Петербургѣ?—говорили они въ недоумѣніи.—Хорошо, если правительство разгонитъ насъ, посадитъ въ тюрмы,—тогда, по крайней мѣрѣ, будемъ имѣть ореолъ мучениковъ; ну, а если оно этого не сдѣлаетъ?! Что будутъ представлять собою собранія депутатовъ, лишенныхъ своихъ полномочій? Какое значеніе могутъ имѣть наши постановленія и для кого они будутъ обязательны?»...

Лишенные министерскаго благоволенія, господа кадеты очутились въ положеніи рыбъ, выброшенныхъ на сушу. Они не могли взять въ толкъ, какъ возможно народнымъ представителямъ бороться внѣ стѣнъ Государственной Думы съ правительственною властью, когда послѣдняя не признаетъ ихъ правъ и полномочій; они—большіе законники, эти кадеты, и даже съ правительствомъ баззаконія хотятъ облагодѣтельствовать народъ на основаніи закона, составленнаго этимъ же самымъ правительствомъ.

Проспорили мы съ ними до часу ночи и добились только согласія вотъ на что: 1) всѣ депутаты завтра съ утреннимъ поѣздомъ должны поѣхать въ Петербургъ; 2) вопросъ о продолженіи засѣданій членовъ Государственной Думы они обсудятъ предварительно въ своей партіи и черезъ день дадутъ намъ отвѣтъ.—такъ какъ-де центральный комитетъ партіи самостоятельно не можетъ рѣшить его...

Можно было думать, что Государственная Дума не умретъ, что она будетъ во главѣ народной борьбы за свободу и справедливость. Это сознаніе окрыляло насъ широкими надеждами; заставляло вѣрить, что мы всѣ останемся вѣрны долгу народныхъ представителей, и примиряло съ прежнею нерѣшительностью кадетской партіи. Невольно какъ-то думалось, что кадеты вовсе ужъ не такіе трусы, какими иногда мы ихъ считали...

Въ это время товарищами-трудовиками составлены были манифесты «къ казачеству» и «къ арміи и флоту».

Обсуждался вопросъ о составленіи комитета для руководства дальнѣйшею дѣятельностью членовъ Трудовой Группы. Товарищи были довольны рѣшеніемъ ѣхать завтра всѣмъ депутатамъ вмѣстѣ и устроить затѣмъ общее засѣданіе членовъ Государственной Думы. Однако, со стороны нѣкоторыхъ товарищей-трудовиковъ по адресу кадетовъ слышались сомнѣнія: — «охъ, проведутъ они, не соберутся!»—недовѣрчиво говорили они... Другіе же, наоборотъ, увѣряли, что этого не можетъ случиться, что моментъ слишкомъ серьезенъ для какихъ-либо колебаній и отступленій. Какъ бы то ни было, рѣшено завтра ѣхать!.. Это рѣшеніе всѣхъ насъ радовало и наполняло наши сердца увѣренностью, что несчастная Россія накапунѣ великихъ политическихъ событій.

V.

Утромъ къ 8 часамъ мы всѣ уже были на вокзалѣ. Подъ вліяніемъ ли всего пережитого или безсонныхъ ночей, вѣрнѣе же отъ неизвѣстнаго будущаго—настроеніе у всѣхъ было повышенное.

Мы были увѣрены, что при въѣздѣ въ Петербургъ на Финляндскомъ вокзалѣ что-нибудь произойдетъ, могутъ всѣхъ насъ арестовать, народъ отзовется на это дружнымъ негодованіемъ и поднимется за освобожденіе своихъ избранниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это послужитъ началомъ и къ собственной его свободѣ и счастью... Петропавловская крѣпость, куда, казалось, всѣ мы будемъ посажены, замѣнитъ собою Таврическій дворецъ и сдѣлается главнымъ штабомъ народной революціи. Теперь все это, можетъ быть, кажется смѣшнымъ, но тогда мы, трудовики, наивныя дѣти народа, — дѣйствительно ожидали народнаго возмущенія противъ правительственной власти за оскорбленія, нанесенныя ею народному представительству. Въ нашихъ ушахъ еще раздавались грозныя думскія рѣчи кадетовъ, смѣлый призывъ безчисленныхъ наказовъ: «Стойте смѣло до конца,— грудью постоимъ за Васъ»!.. Въ своей рѣшимости мы были увѣрены: неудивительно поэтому, что насъ охватилъ высокій порывъ самыхъ смѣлыхъ, благородныхъ чувствъ.

Библиотека Института Ленина при Ц. К. В. К. П. (б)

При отходѣ поѣзда собравшіеся проводить насъ гостепріимные финны, махая шапками, кричали намъ «ура» и свое народное привѣтствіе. Нашъ поѣздъ былъ украшенъ красными флагами. Мы были тронуты и взволнованы проявленнымъ сочувствіемъ гонимымъ представителямъ русскаго народа. У насъ получилось такое настроеніе, что какъ будто мы ѣхали *на войну,* не зная— останемся живы, или нѣтъ.

Долженъ сказать правду, что всѣ товарищи-трудовики ѣхали съ полною готовностью сѣсть въ тюрьму или даже умереть, но не отступать предъ врагомъ. Всѣ были готовы принести себя въ жертву, лишь бы помочь народу освободиться отъ гнетущаго рабства. Въ вагонѣ (3-го класса) трудовиковъ было большое оживленіе и всѣ невольно запѣли великую пѣсню революціи—«Марсельезу». Мнѣ тотчасъ-же вспомнилось мое недавнее путешествіе въ арестантскомъ вагонѣ въ Сибирскую ссылку. Тамъ также пѣлась эта пѣсня, стоялъ такой же шумъ и говоръ... не хватало лишь несчастныхъ солдатиковъ - конвойныхъ... «Вотъ,—думалось мнѣ,—и еще новый выводокъ политическихъ преступниковъ, — какъ обыкновенно именуютъ слуги царскаго правительства россійскихъ гражданъ, своихъ противниковъ. Теперь вѣдь всякій, кто стоитъ съ трудовымъ народомъ, въ глазахъ правительства есть «политическій преступникъ»...

Но скоро пѣніе было оставлено, и мы приступили къ обсужденію вопросовъ о дальнѣйшей дѣятельности Трудовой Группы.

Въ кадетскомъ вагонѣ шло свое совѣщаніе.

Намъ предстояло рѣшить слѣдующій основной вопросъ: нужно ли, въ случаѣ массовыхъ арестовъ депутатовъ, всѣмъ намъ садиться въ тюрьму и тѣмъ, слѣдовательно, закончить свою дѣятельность, или же нѣкоторымъ товарищамъ остаться на волѣ и продолжать отъ имени Трудовой Группы ея работу? Споръ былъ самый оживленный: одни высказывались за то, чтобы *всѣмъ быть вмѣстѣ*; другіе же настаивали на необходимости выдѣлить изъ своей среды особый исполнительный комитетъ Трудовой Группы и уполномочить его войти въ соглашеніе съ соціалистическими партіями, которыя рѣшительно борются съ правительствомъ—съ партіей соціалистовъ-революціо-

неровъ и соціалъ-демократовъ. Сторонники этого мнѣнія находили неразумнымъ и невыгоднымъ отдавать всѣ свои силы врагу. Въ случаѣ ареста депутатовъ, несомнѣнно, возникнетъ сильное движеніе въ войскахъ и народѣ, и голосъ Трудовой Группы, которому народъ привыкъ вѣрить, будетъ безусловно необходимъ.

Однако, предложеніе объ образованіи комитета оспаривалось многими трудовиками. Они такъ же, какъ и кадеты, надѣялись все добыть для народа потихоньку, да полегоньку,—по возможности безъ большой тревоги... Имъ не хотѣлось связывать Трудовую Группу съ партіями, которыя являются непримиримыми врагами правительства и преслѣдуются послѣднимъ со всею безпощадностью. Имъ казалось, что члены Государственной Думы безъ союза съ революціонными партіями и *своими собственными* путями сдѣлаютъ что-то для народа...

Но скоро событія—сообщенія газетъ объ арестахъ депутатовъ въ провинціи—отрезвили товарищей отъ мечтаній о мирныхъ путяхъ обновленія Россіи; роль Трудовой Группы въ надвигавшейся борьбѣ какъ-то сразу прояснилась и мы единогласно постановили: избрать комитетъ изъ четырехъ лицъ, уполномочивъ ихъ дѣйствовать отъ имени Трудовой Группы и по соглашенію съ революціонно-соціалистическими партіями и безпартійными союзами (крестьянскій союзъ, желѣзнодорожный союзъ и др.).

Рѣшивъ эти важные вопросы, мы уже спокойнѣе продолжали свой путь въ родную столицу, которая, какъ казалось намъ, сейчасъ унесетъ насъ широкою волной народнаго движенія. Мысли о томъ, что мы сохранимся въ цѣлости, или благополучно вернемся къ нашимъ избирателямъ, какъ-то совершенно не приходили въ голову. Мы чувствовали себя уже готовыми къ битвѣ съ врагами народа...

VI.

Однако, наши предположенія не оправдались. Столыпинъ не осмѣлился арестовать всѣхъ ѣхавшихъ изъ Выборга депутатовъ, хотя они и были встрѣчены на вокзалѣ массою жандармовъ, шпіоновъ, полицейскихъ и солдатъ. Публики собралось также достаточно, но она ни-

чѣмъ себя не проявила. Лишь одинъ литераторъ крикнулъ: «Да здравствуютъ народные представители! да здравствуетъ свобода!».. и былъ сейчасъ-же схваченъ жандармами и отправленъ въ тюрьму.

Больше ничѣмъ не ознаменовалось возвращеніе членовъ Государственной Думы въ Петербургъ.

Въ ожиданіи отвѣта партіи народной свободы, члены Трудовой Группы пытались собираться въ своемъ клубѣ *), но полиція или не давала собраться, или же разгоняла собранія. Всѣ чувствовали себя мучительно скверно, не зная что дѣлать, къ чему приложить руки. Петербургъ былъ мертвъ, какъ бы задохнувшись въ своихъ болотныхъ испареніяхъ; кадеты тянули съ отвѣтомъ. Наконецъ, *черезъ три дня* получили отъ ихъ комитета отвѣтъ. Кадеты соглашались собраться, но вновь въ Финляндіи, на дачѣ въ Теріокахъ **). Нечего дѣлать, поѣхали и въ Теріоки. Боже мой, что за позорное было собраніе! Во-первыхъ, сюда явились кадеты вмѣстѣ со своимъ центральнымъ комитетомъ и другими членами партіи, такъ что получилось не засѣданіе членовъ Государственной Думы, а просто частное собраніе кадетовъ и трудовиковъ; во-вторыхъ, кадеты теперь били отбой по всѣмъ пунктамъ.

Всякую дѣятельность нашу, какъ народныхъ представителей, они не признавали возможной, ихъ словесная воинственность, гремѣвшая въ стѣнахъ Таврическаго дворца, теперь куда-то исчезла. Кадетъ—да не тотъ... невольно думалось, глядя на нихъ.

Мы услышали длинныя, тягучія, «настоящія *кадетскія* рѣчи»... Кадеты не соглашались даже образовать соединенный комитетъ изъ членовъ Трудовой Группы, соціалъ-демократической фракціи и партіи народной свободы.—Что онъ будетъ дѣлать?—говорили они.—Если революція побѣдитъ правительство и мы будемъ нужны народу, народъ позоветъ насъ, и тогда мы явимся... А сейчасъ дѣло революціонныхъ партій бороться съ правительствомъ,—уныло доказывали они намъ.

---

*) Невскій проспектъ № 116, кв. № 6.

**) Дачный поселокъ въ Финляндіи, два часа ѣзды отъ Петербурга.

Не безпокойтесь,—возражали имъ трудовики,—если народъ сумѣетъ завоевать свободу, то сумѣетъ тогда обойтись и безъ насъ!.. Важно испечь картошку, а съѣсть ее сумѣетъ всякій.

Отступленіе кадетовъ подѣйствовало на трудовиковъ такъ скверно, что они въ рѣзкихъ и даже оскорбительныхъ рѣчахъ доказывали—какой вредъ приносится кадетами народному дѣлу.

Нѣкоторые изъ товарищей называли поведеніе кадетовъ чуть не измѣной долгу и обязанностямъ народныхъ представителей.

Для насъ было ясно: что сколько бы мы ни спорили,—никакого толку изъ этого не выйдетъ.

Тутъ мы еще разъ убѣдились, что—«въ одну телѣгу впречь неможно коня и трепетную лань!».. и намъ съ кадетами никакъ на общемъ дѣлѣ не сойтись. Для кадетовъ страшны широкія народныя движенія и они никогда не пойдутъ рядомъ съ непримиримыми дѣтьми трудового народа.

Среди трудовиковъ стало проявляться нетерпѣніе и все чаще и чаще стали раздаваться голоса: «бросить канитель и разойтись!».. Нѣкоторые отошли уже въ сторону. Часа черезъ два собраніе было закрыто: Между трудовиками и кадетами создалась такая враждебность, какая не сказывалась за все время существованія Государственной Думы. Разошлись, даже не прощаясь съ ними.

Я до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ того гнетущаго чувства, которое осталось послѣ этого несчастнаго засѣданія. Уходили мы точно съ похоронъ: кадеты похоронили дальнѣйшую совмѣстную работу *народныхъ представителей*.

По моему мнѣнію, собраніе въ Теріокахъ—это самая печальная и позорная страница изъ жизни членовъ первой Государственной Думы.

Они отступили отъ борьбы за народное дѣло въ самую трудную и *нужную* минуту, когда вся Россія, можно сказать,—весь свѣтъ были полны ожиданія: «что скажутъ народные представители?» Когда само правительство было въ тревогѣ и дѣлало отчаянныя усилія, чтобы предотвратить ожидавшійся ударъ со стороны народа во главѣ со своими представителями, въ это время и не нашлись,

что сказать, что дѣлать. Нерѣшительность депутатовъ—кадетовъ, составлявшихъ большинство Думы, *постепенно разряжала* это общее напряженіе и дала ему исходъ, полный отчаянныхъ, но разрозненныхъ героическихъ схватокъ съ правительствомъ. Въ силу своей разрозненности и отрывочности онѣ не могли имѣть значенія одушевляющаго примѣра. Вслѣдствіе добровольнаго ухода депутатовъ съ поля политической борьбы, народное движеніе было *обезглавлено*, осталось безъ руководителей, уполномоченныхъ самимъ народомъ.

Отсюда и получилась общая неувѣренность, какая-то растерянность и общее ожиданіе, что гдѣ-то, кто-то долженъ дать толчекъ общему недовольству и раздраженію. Но главный рычагъ, который привелъ бы все это въ движеніе, оказался неподходящимъ для такой роли. Уклоненія отъ исполненія своего прямого долга—продолжать борьбу съ правительствомъ—исторія не проститъ депутатамъ первой Государственной Думы,

Они забыли свои грозныя слова: «исполнительная власть да покорится власти законодательной" *).

Забыли благородныя слова о своемъ великомъ призваніи: «мы призваны спасти страну отъ того страшнаго водоворота, въ который легкомысленными руками власти вотъ уже два года народъ толкается» **). Куда же скрылись эти спасители страны въ самую тяжелую для нея минуту? Или они полагали, что для спасенія страны достаточно рѣчей, сказанныхъ «съ дозволенія начальства?» Нѣтъ: они,—люди просвѣщенные и знаютъ изъ исторіи, что «спасеніе странъ» и побѣда народной законодательной власти надъ исполнительно - бюрократической, вѣками всосавшейся въ тѣло народа, достигается не такъ то просто.

Да, они это знаютъ и потому храбро говорили, когда это было безопасно:—«если министерство думаетъ, что мы испугаемся революціонной бури, которую оно грозитъ поднять, то оно ошибается. Какъ мы не испугались военнаго положенія при министерствѣ графа Витте, такъ не

*) Стенографическій отчетъ Государственной Думы, стр. 326.
**) Тамъ же.

боимся и революціонной бури, которую можетъ вызвать теперешнее министерство» *).

Министерство *не вняло* этимъ угрозамъ *и пошло* на революцію, рѣшивъ насильственно отнять у народа то, что съ такимъ трудомъ было уже завоевано. Гдѣ же оказались смѣлые кадеты, обѣщавшіе не бояться, революціонной бури!

Вмѣсто того, чтобы «устранить корень всякой гнили»—какъ заявлялъ одинъ изъ руководителей ихъ,—они предпочли сами «устраниться» и разъѣхаться по своимъ имѣніямъ и дачамъ. Вмѣсто политическихъ борцовъ—«спасителей страны»,—мы увидѣли предъ собою обычныхъ обывателей, лишь рядившихся въ воинственныя одежды...

Въ описанный рѣшительный моментъ сказалась вся скользкая «кадетская натура», которою, къ нашему удивленію, они не стѣсняются иногда хвалиться... Они слишкомъ просвѣщенны, чтобы идти заодно съ дикимъ самовластнымъ правительствомъ, но и слишкомъ сыты и богаты, чтобы вмѣстѣ съ потерявшимъ терпѣніе трудовымъ народомъ рѣшительно бороться за правду и справедливость **). Они всегда будутъ лишь «политическими заклинателями», и вся ихъ готовность жертвовать собою во имя свободы и народнаго счастья ограничится кликушескимъ заклинаніемъ: «аминь, аминь, разсыпься!».. Они большіе мастера говорить, но неспособны ни на какой рѣшительный, смѣлый шагъ. Этой партіи не совсѣмъ къ лицу красивое названіе—партія «народной свободы», ибо она не болѣе, какъ партія «свободныхъ разговоровъ».

И до тѣхъ поръ, пока въ народномъ представительствѣ *она* будетъ играть преобладающую роль, это представительство неспособно будетъ на активную борьбу съ самовластнымъ правительствомъ, *не завоюетъ народной свободы*...

*) Тамъ же, стр. 338—339.

**) Несомнѣнно, въ рядахъ партіи народной свободы имѣются лица изъ необезпеченныхъ круговъ, но не ими опредѣляется программа и тактика партіи. Преобладающее вліяніе въ ней принадлежитъ во всякомъ случаѣ обезпеченнымъ людямъ.

VII.

Однако, вернусь къ своему разсказу о дальнѣйшихъ шагахъ Трудовой Группы.

Огорченные и глубоко возмущенные отступническимъ поведеніемъ кадетовъ, мы рѣшили собраться отдѣльно, чтобы обсудить свой самостоятельный способъ дѣйствій.

Предстояло рѣшить вопросъ,—какъ же намъ быть теперь, какъ дѣйствовать дальше?

Можно сказать, всѣ наши планы были разбиты: правительство поняло, что арестовать сразу всѣхъ депутатовъ для него опасно и потому оно въ Петербургѣ никого изъ нихъ не тронуло. Народъ въ массѣ оставался въ выжидательномъ настроеніи. Кадеты-депутаты наотрѣзъ отказались продолжать дальнѣйшую борьбу съ правительствомъ... Многіе наши товарищи были въ отъѣздѣ, такъ какъ не задолго до разгона Государственной Думы нами признано было необходимымъ, чтобы трудовики возможно чаще совершали объѣзды селъ и городовъ и устраивали народныя собранія (митинги) *).

Насъ, съ депутатами соціалъ-демократами была, сравнительно небольшая кучка. Спрашивается, какъ могли мы использовать свои небольшія силы, но большое имя въ глазахъ всего трудового народа.

Разрѣшеніемъ этой мудреной задачи и занялись трудовики, собравшись около 11 часовъ ночи въ другомъ мѣстѣ въ тѣхъ же Теріокахъ.

О прекращеніи дѣятельности Трудовой Группы не было и рѣчи. Всѣми признавалось, что «въ этой вынужденной, но неизбѣжной борьбѣ выборные люди должны быть съ народомъ»,—какъ говорится въ Выборгскомъ воззваніи.

Споръ шелъ лишь о характерѣ дѣятельности Трудовой Группы, т. е., должна ли она быть *открытою*, или же *закрытою* (конспиративною), какъ у партій революціонныхъ.

---

*) Этимъ объясняется то, что Выборгское воззваніе подписано далеко не всѣми трудовиками.

Сторонники открытой дѣятельности доказывали, что Трудовая Группа должна сохранить свой парламентскій характеръ, стоять на той же платформѣ, какъ въ Думѣ, и комитетъ ея долженъ быть извѣстенъ населенію. Мы должны остаться вѣрны природѣ открытой парламентской организаціи.—доказывали они. Противники же этого мнѣнія находили, что открытая дѣятельность при теперешнихъ условіяхъ сведется къ нулю, уподобится кадетской, и Трудовая Группа, какъ выразительница интересовъ трудового, порабощеннаго народа, потеряетъ всякое свое значеніе. При открытыхъ дѣйствіяхъ правительство не дастъ намъ возможности сдѣлать что-либо, такъ какъ немедленно всѣхъ перехватаетъ,—этотъ способъ дѣйствій былъ бы полезенъ—доказывали они,—только при совмѣстномъ выступленіи большинства депутатовъ Государственной Думы. Теперь же тактика должна быть иная и комитету Трудовой Группы въ интересахъ народнаго дѣла слѣдуетъ пойти рука объ руку съ соціалистическими революціонными партіями. Неудобства, связанныя съ закрытою дѣятельностью, окупятся тѣмъ, что комитетъ Трудовой Группы будетъ съ полною правдою говорить народу о всѣхъ дѣйствіяхъ правительства и о способахъ борьбы съ нимъ.

Товарищи, говорившіе это, были увѣрены, что народъ съ прежнимъ довѣріемъ будетъ относиться къ словамъ своихъ трудовиковъ, и потому считали безусловно необходимымъ выпускать воззванія совмѣстно съ другими организаціями, которыя ведутъ борьбу съ правительствомъ.

Послѣ продолжительныхъ споровъ, въ концѣ концовъ, эти доводы взяли перевѣсъ и рѣшено было остаться при прежнемъ постановленіи, — оставить комитетъ для совмѣстной дѣятельности съ революціонными партіями и пополнить его составъ еще двумя лицами. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, чтобы комитетъ имѣлъ постоянную связь со всѣми товарищами и въ концѣ сентября созвалъ бы съѣздъ членовъ Трудовой Группы, Наше засѣданіе кончилось предъ восходомъ солнца. Всѣ мы были крайне утомлены, измучены душею и тѣломъ, но тѣмъ не менѣе на совѣсти чувствовалось нѣкоторое успокоеніе: намъ казалось, мы сдѣлали все, возможное для насъ...

VIII.

Съ этого момента начинается новый періодъ въ жизни трудовиковъ. Онъ еще не закончился и подробно говорить о немъ пока рано. Съ этого времени трудовики уходятъ въ ряды пославшаго ихъ народа и вмѣстѣ съ нимъ подвергаются со стороны правительства всякимъ оскорбленіямъ и гоненіямъ.

Какъ дѣти народа, они вполнѣ раздѣляютъ его печальную судьбу. Правительство стремится не только вознаградить себя за временное пораженіе, но прилагаетъ особыя старанія къ тому, чтобы не допустить депутатовъ близко къ народу.

Чины полиціи вмѣстѣ «съ доблестнымъ» казачествомъ, а иногда даже съ христолюбивымъ воинствомъ—заняты тѣмъ, чтобы не допускать—разгонять народныя собранія съ депутатами. Законное желаніе и право народа имѣть отчетъ отъ своихъ выборныхъ топчется правительствомъ съ удивительною дикостью: не успѣваетъ депутатъ переступить границы родной губерніи, какъ на него напускается мѣстная полиція; его обыскиваютъ, допрашиваютъ, обязываютъ подпискою не разговаривать съ избирателями и проч., и проч. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на депутатовъ устраивались настоящія облавы съ ночными, вооруженными нападеніями, стрѣльбою и убійствами крестьянъ, защищавшихъ своихъ избранниковъ.

Собранія разгонялись вооруженною силою...

Да, дѣйствительно, русское правительство *не любитъ отчетовъ*... Еще-бы! Привыкшіе къ бюрократической темнотѣ, не могутъ выносить яркаго свѣта народной правды. А тутъ простодушныя, искреннія и суровыя дѣти трудового народа были вблизи кормила правленія, успѣли своимъ прямымъ взглядомъ заглянуть въ такіе тайники хитраго механизма, куда до сихъ поръ проникала лишь прозорливость чуткаго революціонера.

Они собственными глазами увидали ту кучку людей, которая вершитъ судьбы многомилліоннаго могущественнаго народа.

Къ своему удивленію трудовики, да и вообще депутаты Думы, вмѣсто великановъ увидѣли карликовъ съ ихъ мелкими чувствами, но съ большими, прожорливыми аппетитами. Они разгадали тайныя намѣренія и вожделѣнія этихъ господъ и, ошеломленные этимъ страшнымъ для себя открытіемъ, они спѣшили повѣдать все пославшему ихъ народу. Имъ хотѣлось на всѣхъ перекресткахъ, на всѣхъ улицахъ городовъ, селъ и деревень кричать: «Спасите, спасите Россію.—она гибнетъ отъ вампировъ, высасывающихъ послѣднія жизненныя силы ея»... Но хищники поняли это и распустили свои кровавые когти надъ несчастной страной и начали ее терзать съ новымъ остервенѣніемъ. Министры «приняли мѣры», чтобы не допускать даже бесѣдъ депутатовъ съ народомъ, да и вообще, чтобы народъ не разсуждалъ о дѣлахъ правительства.

Многіе изъ нашихъ товарищей томятся теперь въ тюрьмахъ, другіе скрываются отъ преслѣдованія властей и почти всѣ отданы подъ судъ—кто за Выборгское воззваніе, а кто, кромѣ того, еще за попытки издавать правдивыя газеты.

Какъ извѣстно всѣмъ, царское правительство всегда жестоко преслѣдовало всякое смѣлое и правдивое печатное слово.

Правдивая газета или книга — для него смертельный врагъ, и потому преслѣдуются онѣ не на животъ, а на смерть. Онѣ закрываются, отбираются, уничтожаются, а люди, которые пишутъ и издаютъ ихъ, штрафуются, сажаются въ тюрьмы и крѣпости.

Мы, какъ члены Государственной Думы, не могли быть арестованы, потому рѣшили использовать свою «неприкосновенность» въ интересахъ гласности, которая должна была служить дополненіемъ къ нашей думской работѣ.

И вотъ появляется рядъ новыхъ газетъ, редактируемыхъ и издаваемыхъ членами Трудовой Группы: «Дѣло Народа», «Народный Вѣстникъ», «Извѣстія крестьянскихъ депутатовъ», «Крестьянскій депутатъ», «Мысль» и др. Газеты эти свирѣпо преслѣдовались правительственными властями и скоро обыкновенно закрывались. Мы всячески старались о томъ, чтобы наши газеты доходили до народа, но правительство было сильнѣе насъ. Газеты наши постоянно отбирались, не допускались къ распространенію,

иногда даже захватывались прямо въ типографіи съ печатнаго станка. Ихъ ловили на желѣзныхъ дорогахъ, въ почтовыхъ конторахъ. Всѣ слуги правительства были заняты этимъ позорнымъ дѣломъ.

А у насъ были лишь одни вѣрные посредники съ народомъ—это мужицкіе и рабочіе ходоки, приходившіе къ намъ съ разныхъ концовъ Россіи, чтобы подкрѣпить и утѣшить насъ въ тяжелой нашей долѣ...

Мы снабжали ихъ книжками и газетами — лучшими гостинцами, которые имѣлись у насъ и въ которыхъ такъ нуждается затемненный вѣковымъ рабствомъ трудовой народъ.

Я не знаю до многихъ ли изъ васъ дошли эти гостинцы, но мы заботились объ этомъ сколько было въ нашихъ силахъ...

Теперь за это правительство хочетъ насъ судить, какъ преступниковъ.

Я былъ редакторомъ первой изъ названныхъ газетъ—«Дѣло Народа», и меня еще во время думской работы недовольные министры пытались лишить званія члена Государственной Думы и засадить въ тюрьму. Но народные представители судятъ инымъ судомъ, нежели правительство.

Они единогласно рѣшили, *что нельзя карать людей за правду,* нельзя судить ихъ за то, что они *по совѣсти* хотятъ быть полезными народу... Государственная Дума, какъ одинъ человѣкъ, заявила правительству, что не находитъ основаній къ лишенію меня депутатскаго званія. Мало того, она запросила министерство: на основаніи *какого закона* было предписано полиціи взять съ меня подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга *), такъ какъ это нарушало право неприкосновенности личности депутата. Государственная Дума усмотрѣла въ этомъ преступленіе со стороны судебной власти и передала его на разсмотрѣніе своей комиссіи по разслѣдованію преступныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ.

Вы видите, какъ противоположны взгляды правительства и народнаго представительства.

---

*) Дать такую подписку я отказался.

Неудивительно, если эти два медвѣдя не могли ужиться въ одной берлогѣ... Но если правительство тогда было безсильно сдѣлать что-либо съ нами, то теперь—другое дѣло. Теперь на его улицѣ праздникъ и оно спѣшитъ всѣхъ насъ переловить и запрятать отъ народа подальше.

Такова судьба первыхъ посланцевъ народа въ Думу. Народъ надѣялся, что Государственная Дума обновитъ его жизнь, дастъ новые законы и порядки, устроитъ дѣла государства по требованіямъ справедливости... а вышло *совсѣмъ другое*! Оказалось, корни стараго дерева,—называемаго самодержавіемъ,—такъ глубоко вросли въ землю, что вырвать его сразу было не подъ силу.

Можетъ быть еще не разъ народъ потерпитъ неудачу въ своихъ схваткахъ съ нимъ и эта борьба поглотитъ еще много новыхъ жертвъ.

Но смущаться этимъ нечего. Борьба есть законъ жизни, и только борьбою народъ можетъ добыть себѣ свободу и счастье.

Вездѣ такъ было, дорогіе мои. Во всѣхъ странахъ съ большимъ трудомъ народы освобождались отъ рабства и угнетенія. Вездѣ много пролито народной крови за новый порядокъ, за правду и справедливость. Въ Россіи также давно льется народная кровь, но до послѣдняго времени—то была кровь лишь самыхъ отважныхъ, смѣлыхъ героевъ народныхъ. Ихъ страданія и смерть пробудили темный, спящій народъ и *онъ пошелъ за ними.* Теперь во всѣхъ концахъ Россіи трудовой народъ ведетъ упорную борьбу съ правительственнымъ самовластіемъ и стремится перестроить жизнь на новыхъ справедливыхъ порядкахъ.

Наша работа въ Государственной Думѣ, гоненія, начатыя противъ *народныхъ представителей* царскимъ правительствомъ,—это только *новая ступень* въ борьбѣ народа съ своими угнетателями.

Правительство надѣялось черезъ Государственную Думу, какъ черезъ мостъ,—подойти поближе къ враждебному, озлобленному противъ него народу и снова укрѣпиться на его шеѣ, но ошиблось въ разсчетахъ. Мостъ съ трескомъ провалился, и правительство оказалось еще болѣе отдѣленнымъ отъ народа, чѣмъ было раньше. Между народомъ и правительствомъ теперь непреодоли-

мая пропасть, съ правительствомъ остается лишь кучка тунеядцевъ, штыки и пулеметы, но, извѣстное дѣло,—на штыкахъ долго не усидишь... Если народъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ отъ Государственной Думы, то не менѣе жестоко ошиблось въ своихъ разсчетахъ на нее и правительство. У ней не хватило силъ сломить чиновничье самовластіе, но она и не покорилась ему, не пошла на уступки и сдѣлки. Она ребромъ поставила вопросъ о подчиненіи исполнительной власти—власти законодательной, чтобы послѣдняя была свободной выразительницей народной воли. Это составляетъ огромную историческую заслугу покойной Думы, и народъ оцѣнитъ ее. Потерпѣвъ неудачу съ первой Государственной Думой правительство, безъ сомнѣнія, постарается использовать въ своихъ интересахъ новую.

Чего не удалось получить отъ первой Думы, правительство будетъ добиваться отъ второй. Это нужно помнить и нужно быть готовымъ.

Вокругъ новой Государственной Думы борьба возгорится сильнѣе прежняго. Правительство понимаетъ, вѣдь, что его самовластью приходитъ конецъ, что ему *терять нечего*, выиграть же оно, можетъ быть, еще кое-что и можетъ... По крайней мѣрѣ оттянетъ рѣшительную для себя минуту.

Съ другой стороны и для всѣхъ насъ стало ясно: отъ трубныхъ звуковъ не разрушаются стѣны Іерихона, — *одними думскими рѣчами* не сломить упорства врага...

Полученный урокъ не забудется народомъ и онъ уже не станетъ ожидать «*чудеснаго* избавленія изъ плѣна Вавилонскаго». Та дѣтская вѣра, съ которою народъ провожалъ депутатовъ въ первую Государственную Думу. навсегда разбита самодержавнымъ правительствомъ. Тогда, по своему простодушію, онъ вѣрилъ, что вотъ поѣдутъ его посланцы въ столицу, разскажутъ *всю правду* про горькое житье мужицкое.—и посыпятся богатыя и великія милости: землю и волю народъ получитъ безъ хлопотъ... Послѣ опыта съ первымъ парламентомъ *такъ думать онъ уже не можетъ*. Ударъ нанесенъ тяжелою рукою, онъ вывелъ народъ изъ политическаго дѣтства. Народъ понялъ: **землю и волю можно добыть только упорной борьбою**.

Это сознаніе поможетъ ему безошибочно рѣшить вопросъ о томъ, *кого* выбирать въ новую Думу. Онъ пошлетъ въ нее людей, безусловно враждебныхъ теперешнему правительству, людей способныхъ смѣло и стойко до конца послужить народному дѣлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и самъ приготовится къ нужному моменту, чтобы дѣйствительно «постоять грудью» за своихъ избранниковъ, а не ограничиться лишь одними «наказами».

И тогда—«*предъ единой и непреклонной волей народа*, какъ говорится въ Выборгскомъ воззваніи,—*никакая сила устоять не можетъ*».

Помня этотъ завѣтъ первыхъ избранниковъ народа, мы смѣло будемъ продолжать начатую борьбу и добьемся дѣйствительно *народной* полновластной Государственной Думы. скроенной не по министерской выкройкѣ, а созданой по волѣ и желанію самого народа. Мы добьемся Учредительнаго Собранія. избраннаго *на основѣ всеобщаго избирательнаго права* путемъ прямой и тайной подачи голосовъ. Только такое народное собраніе перетряхнетъ всѣ обветшалые порядки и расчиститъ дорогу къ свободѣ и счастью, правдѣ и справедливости...

Тогда возгорится надъ Россіей заря новой жизни, свѣтлой и радостной.

Я кончилъ, мои друзья, свой немудреный разсказъ о судьбѣ первой россійской Государственной Думы. Вы видите. исторія вышла не веселая, какъ и вообще исторія русскаго народа.

Радость, охватившая страну въ думское время, промелькнула, какъ искра въ темную ночь. А теперь въ Россіи—опять мракъ, опять плачъ и скрежетъ зубовный... Это означаетъ торжество самодержавія...

Вы не можете упрекнуть меня, что я вселялъ въ васъ ложныя надежды. ваши радостныя привѣтствія, которыми вы провожали меня въ Государственную Думу, вызывали во мнѣ грустныя чувства и я предупреждалъ васъ—*не будьте легковѣрны*!.. Я говорилъ вамъ. радоваться пока еще нечему, ибо врагъ еще силенъ и добровольно не уступитъ ни пяди земли, не допуститъ ни одного спра-

ведливого закона. Я звалъ васъ къ борьбѣ и самъ готовился къ ней... Вы извлекли меня изъ темныхъ нѣдръ сибирской тюрьмы, далекой ссылки, но моя дорога опять уже лежитъ туда, потому что самодержавное правительство не терпитъ сознательныхъ дѣтей трудового народа.

Побывъ въ Государственной Думѣ и близко узнавъ міръ народнаго представительства и міръ самодержавнаго чиновничества,—я говорю вамъ: *не ждите себѣ добра отъ послѣдняго.*

Не вѣрьте ему, если оно приходитъ къ вамъ даже съ желаніемъ «облагодѣтельствовать» васъ: его «благодѣяніе» непремѣнно скрываетъ въ себѣ ядъ лицемѣрія и обмана. Подъ видомъ «народнаго блага» оно всегда имѣетъ цѣлью охранить или свои узкіе интересы или интересы богатыхъ классовъ. Наше счастье—въ развитіи *народной власти.* Всѣ законы должны создаваться лишь волею народнаго представительства и вся исполнительная власть должна быть отвѣтственна предъ нимъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ.

Народная воля должна стать единственною вершительницей судьбы народа. Къ этому, друзья мои, и будемъ неуклонно стремиться...

Октябрь 1906 г.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

Цѣна 6 коп.

Книгоиздательство „БОРЬБА".

Вышли въ свѣтъ:

1. **Л. Н. Толстой.** Къ политическимъ дѣятелямъ . . . . . Ц. 5 к.
2. 1-ое Мая—Праздникъ труда. . . Ц. 3 к.
3. „Въ борьбѣ", сборникъ вып. I съ портретами В. Н. Фигнеръ, Гершуни, Каляева, П. Шмидтъ и его рисункомъ „Островъ-Березань", 2-е изданіе . . . . . Ц. 50 к.
4. „Въ борьбѣ", сборникъ вып. II съ портрет. и кратк. біографич. свѣд. С. Л. Перовской, М. А. Спиридоновой С. В. Балмашова, Е. С. Сазонова, Г. С. Хрусталева-Носарь и 13 рис. . . . . Ц. 50 к.
5. „Въ борьбѣ", сборникъ вып. III съ портрет. и краткими біограф. А. И. Желябова и Н. И. Кибальчика. . . . . Ц. 50 к.
6. „Вольница", сборникъ № 1. . . Ц. 25 к.
7. „Вольница", сборникъ № 2, иллюстр., съ разсказ. М. Арцыбашева, Черняка, Первухина, Ауслендера, стихотворен. Галиной, Бальмонта, Волошина, Скитальца, Башкина, Д. Цензора, Городецкаго, Рыбацкаго, Мазель и друг. Ц. 25 к
8. „Въ борьбѣ", Вл. Гординъ. Маленькіе разсказы, вып. I . . . Ц. 7 к.
9. „Въ борьбѣ", Вл. Гординъ. Маленькіе разсказы, вып. II . . . Ц. 7 к
10. **С. Вычегодскій.** Тактика уличнаго боя . . . . . Ц. 25 к.
11. Что такое трудовая группа. . . Ц. 2 к.

Печатается:

12. „Въ борьбѣ", сборникъ вып. IV.

Готовится къ печати:

„Въ борьбѣ". сборн. вып I, изд. 3-е.
„ „ „ „ V.
Вл. Гординъ. Маленькія драмы.

Склады изданій: Петербургъ—Книжные магазины „Трудъ", „Наша жизнь", Книж скл. „Земля" (Влад. пр., 7), Москва—„Трудъ", бюро „Пресса" (Мясницкая ул., 35), Кіевъ—Просяниченко, Одесса—Книж. маг. „Мысль" Пушкинская. 24), Харьковъ—Общ. библ., Книжн. маг. „Образованіе" (Екатериносл. ул.).